

Глава 6

"Мы не делали этого так долго," - сказал Юрий Радамахер. Его голос был едва громче, чем бормотание, со сложными оттенками, которые передавали чувство насыщения, усталости, самодовольного удовлетворения, смущенного удивления от возможностей, казалось потерянных навсегда, и, больше всего - спасительная благодать, которая удерживала бы его от насмешек или возможных телесных повреждений - полной привязанности к женщине, лежавшей рядом с ним.

Которая, со своей стороны, шлепала его игриво по голому животу. Это производило сочный звук. Юрий не был действительно толстым, но порывов ветра он не опасался.

"Кажется, что ты недоволен собой," - сказала она. "Конечно, мы давно не делали этого. Мы не видели друг друга ... сколько? Больше, чем Т-год."

"Триста девяносто шесть стандартных дней. Боже, как я скучал по тебе."

Шарон Джастис повернулась на бок и положила голову на руку. "Я тоже скучала по тебе. Но посмотри на светлую сторону этого - впервые за много лет, похоже, мы сможем видеть друг друга регулярно и ... о, черт возьми, это может продлиться очень долго."

Юрий колебался, соблазняясь поднять тему брака. Даже жесткие правила Республики Хевен относительно назначения своих должностных лиц ослаблялись и изменялись, когда участвовали супружеские пары. Но через какое-то мгновение он решил оставить все как было.

Он знал, что Шарон нервнует эта тема. Конечно, это не было необычно. Вся тема брака стала очень сложной и тяжелой после появления пролонга. Это было особенно верно для такого общества, как Хевен, который склонялся к консерватизму по социальным вопросам, несмотря на часто радикальный характер его политики.

Традиционная концепция брака заключалась в союзе между двумя людьми, который, как ожидается, продлится всю жизнь. Разумеется, многие разводились. Тем не менее, даже люди, которые развелись, обычно рассматривали развод как неудачу; несчастный и, в некотором смысле, неестественный исход.

Но тот же брак теперь должен был растягиваться на протяжении жизни, измеряемой столетиями, а не десятилетиями. И для того, чтобы сделать все еще более сложным, эта долгая жизнь, по меньшей мере, на восемьдесят процентов от ее продолжительности была жизнью молодого человека. Только в самом конце жизни человека с пролонгом начинался процесс старения и ветхость проявляла себя. Это резко контрастировало с древними реалиями человеческой жизни, в которой период энергичной молодости был довольно кратким промежутком между детством и средним возрастом.

Традиционный институт брака просто не подходил для этих новых условий. Большая часть его стабильности была обеспечена "естественным" процессом старения. Когда пара старела вместе, они начинали нуждаться друг в друге для помощи и поддержки, также как для близости. Как бы прозаично это не было, разделение боли и страданий во многом помогало укрепить брак; и, с другой стороны, работало против любой склонности к неверности.

Ничто из этого больше не работало. Даже нужды и потребности воспитания детей, традиционно самые сильные связи в браке, стали гораздо менее важны. Люди с пролонгом могли рожать детей на протяжении большей части их теперь-очень-долгой жизни, но очень немногие делали это. Большинство пар посвящали несколько десятилетий тому, чтобы рожать

и воспитывать детей, но не более того. В зависимости от конкретной звездной нации и ее обычаев, они могли рожать детей в раннем возрасте или - это была обычная практика в Мантикоре, Беовульфе и Андерманской Империи - отложить детей, пока не сделают карьеру и укрепят финансовое положение. Но независимо от того, сколько времени из своей продолжительной жизни они решили посвятить воспитанию детей, как только это было сделано, они обычно не повторяли этот процесс. И этому они посвящали всего десять процентов или меньше от своей жизни - в отличие от одной трети или даже половины всей жизни, которую традиционно занимали рождение и воспитание детей.

Из-за этого давления - точнее сказать, из-за внезапного снятия давления - институт брака подвергался глубоким и многообразным преобразованиям во всей населенной людьми части галактики. Эти изменения уже начались в результате медицинских и технических достижений, и пролонг еще более ускорил их. В некоторых любящих эксперименты обществах - Беовульф был ярким примером - появилось и проверялось удивительное количество вариантов брака. Но в других, более консервативных обществах реакция была другой. Пожизненная природа брака отстаивалась еще более твердо - с тем неизбежным следствием, что все меньше и меньше людей вступали в брак. Вместо этого последовательное сожительство без формального брака стало нормой; или, по крайней мере, наиболее распространенной моделью.

Даже рождение и воспитание детей менялось. Как это всегда было в матрилинейных обществах, общество пролонга фактически покончило с концепцией незаконного рождения. Причины были разными, но конечный результат был тем же: люди в развитых обществах, которые жили на протяжении веков, обычно имели такую глубокую и широкую сеть безопасности - некоторые - публичную, другие - частную, - что одинокому родителю или паре просто не требовался брак по экономическим соображениям. Законы большинства звездных наций требовали официального признания родительства, но отдельно от юридических требований к браку. Это делалось для защиты детей. Вы могли не быть официально в браке с матерью или отцом своего ребенка, но вы по-прежнему несли юридическую ответственность за самих детей.

Все это было хорошо и правильно, и Юрий понимал эту динамику на интеллектуальном уровне. Но дело было в том, что он был с Хевена, а не с Беовульфа, и, как у большинства людей с Хевена, его основные эмоциональные установки были консервативными и старомодными. Годы, которые он провел офицером Госбезопасности в период Пьера - Сен-Жюста, усложнили проблему. В нем развились резкие разногласия с их политикой. Зная характер их режима, он должен был скрывать свои реальные мнения и сохранять эмоциональную дистанцию от всех. В конечном результате человек, который был врожденно дружелюбным и общительным, превратился в одинокую душу.

Черт возьми, он хотел быть женатым.

Но он был почти уверен, что Шарон откажет, и он давно научился вообще не задавать вопрос, если думал, что ответ будет отрицательным. Объявленное открыто "нет" закрыло бы все возможности.

Поэтому, частично из-за разочарования и частично из чувства долга, он встал с постели, оделся и направился к кухне. "Хочешь кофе?"

"Ах!" Шарон торопливо встала с кровати и схватила халат. "Да, но я сделаю это сама, большое спасибо. Ты ломаешь кофеварку."

"Не глупи."

Она коснулась его, надевая халат и быстро двигаясь. "Хорошо. Ты испортишь кофе."

"Это смешно. Ты не можешь..."

"Ты можешь." Шарон начала работать над пультом машины, который, по мнению Радамахера, был больше похож на компьютерный терминал, а не на простое устройство для варки напитка, которым человеческая раса наслаждалась на протяжении тысячелетий. "Я очень люблю тебя, Юрий, но ты делаешь худший кофе по эту сторону флотской столовой."

"Именно там я впервые научился делать кофе."

"Я знаю." Она нажимала кнопки, которые делали таинственные вещи. "Многие годы у меня было тайное убеждение, что причина, по которой нам так тяжело бороться с мантикорцами - это флотский кофе. Никто не думал об ущербе, который это дерьмо должно было произвести в мозгах наших людей."

Нажимание кнопок закончилось торжествующим глоссандо летающих пальцев. Юрий понятия не имел, что она делает. Программирует тепловую смерть Вселенной? Ради бога, это просто кофеварка. Что плохого случится, если позволить ее компьютеру работать самому?

"С тех пор, как я приехала сюда," - продолжала она, - "мои подозрения подтвердились. Я говорила со многими эревопцами, которые пробовали кофе мантикорского флота, и все они клянутся, что это потрясающе."

Очевидно закончив свой ритуал, Шарон завязала халат и села за кухонный стол. "О, перестань дуться и сядь. Кофе будет через несколько минут."

У Юрия возникло искушение ответить, что его кофе был бы уже готов, но он мудро сдержал себя. Как сказал один его друг, который разделял его безразличное отношение к приготовлению кофе: "Гурманы ранимы и быстры в гневе."

Он пододвинул стул и сменил тему. "Кстати об эревопцах, я полагаю, ты должна ввести меня в курс дела. Учитывая, что я теперь посол Хевена на Факеле, и - задержи дыхание, это займет некоторое время - "Верховный комиссар и чрезвычайный посланник" на Эревопке. В те моменты, когда я не буду твоей секс-игрушкой."

Шарон улыбнулась. "Секс-игрушка, вот как? Я это запомню." Улыбка сменилась легкой нахмуренностью. "Я полагаю, что ты не просто заменил Гатри в качестве посла на Эревопке потому, что эревопцы дали понять, что они не слишком довольны нами."

"Да, они все еще злятся, что Хевен возобновил войну с Мантикорой прежде, чем высохли чернила в нашем договоре о совместной обороне." Он пожал плечами. "С другой стороны, так как мы не прилагали никаких усилий, чтобы заставить их присоединиться к боевым действиям, они не настолько злы. Определенно недостаточно, чтобы пойти на риск, связанный с полным разрывом с нами. Таким образом, все согласилось с одним из традиционных дипломатических кодовых сообщений. "Вы, негодяи, не получите посла. Просто верховный комиссар и т. д. и т. п. Вот так." Я думаю, что это больше нацелено на Звездное Королевство, чем на нас."

"Звездную Империю," - поправила его Шарон. Она провела пальцами по своим волосам. Коротким волосам, в эти дни. С тех пор, как он видел ее в последний раз, она окрасила их в красивый каштановый цвет и немного укоротила. По правде говоря, он предпочитал, чтобы ее

волосы были длиннее. Но это было вековое перетягивание каната между мужчинами и женщинами, которое мужчины неизменно проигрывали после того, как отношения охладились. Юрий, возможно, не был самым острым карандашом в коробке, когда дело касалось романтических отношений, но он не был настолько тупым, чтобы рисковать ступить на это минное поле.

"Я думаю, ты, наверное, прав насчет Мантикоры," - сказала она. "Эревоны любят свои тонкие уловки и жесты. Видите? Мы ясно дали понять Хевену, что сердимся на них, негодяев." Хотя я не уверена, даст ли это им что-нибудь."

"Может быть, совсем немного. Нынешний Премьер-министр Звездной Империи столь же изоцирен, как и они, и, вероятно, знаком с несколько своеобразными обычаями Эревона. И наверняка династия Винтонов обратит на это внимание. Они и сами компетентны, когда дело доходит до намеков и завуалированных сообщений. Трудно представить, что у людей с королевской родословной будет много общего с потомками гангстеров, но это так."

"Ха! Если бы Виктор был здесь, он бы сказал, что они слеплены из того же теста - так почему бы им не говорить на одном и том же языке?"

Несколько секунд прошло в молчании. Затем Юрий вздохнул и откинулся на спинку стула. "Мне все еще не нравится ублюдок, но должен признать, что я был рад узнать, что он все еще жив. Это похоже на старое высказывание: "Да, он безжалостный сукин сын, но он наш безжалостный сукин сын"."

"Ты все еще таишь обиду, Юрий? Ла Мартин был много лет назад."

"Он сказал им сломать мне нос. Нарочно!"

"Конечно. Это превратило твое лицо в кровавое месиво - и, возможно, спасло тебе жизнь."

Юрий нетерпеливо покачал головой. "Я понимаю логику, Шарон. Мне все-таки не нравится этот человек. Он и тебя приказал избить. Я больше зол на это, чем на свой нос. Все еще."

"А ты знаешь, что он последовательно способствовал - и не мало - твоей карьере? Моей тоже. После Ла Мартина. Я почти уверена, что он - основная причина, по которой ты получил этот пост. Кевин Ушер прислушивается к нему. И Вильгельм Траян тоже, хотя" - она усмехнулась, - "я не думаю, что он делает это так же жизнерадостно, как Кевин."

Юрий выглядел немного виноватым. "Ну... Да, я думал об этом недавно. Послушай, я не говорю, что мое отношение к Каша разумно. Наверное, нет. О'кей, конечно, нет. И все же я не люблю его."

Комм на стене зазвонил, показывая, что кому-то нужна связь.

Шарон нажала клавишу приема. Ожил экран.

Увидев знакомое лицо на экране, Шарон сказала: "Уолтер. Я полагаю, вы позвонили, чтобы поговорить с новым посланником Хевена - ой, верховным комиссаром и..."

"... и чрезвычайным посланником, и все другие глупые термины, которые нам нужны, чтобы сохранить видимость." Уолтер Имбези быстро и почти поверхностно улыбнулся Радамахеру. "Вообще-то, нет. Я собирался дать вам день или около того - ну, чтобы возобновить знакомство - прежде чем беспокоить вас делами. Но случилось нечто, что мы считаем срочным. На самом"

деле срочным."

И Шарон, и Юрий сели прямо. "И это ...?" - сказал Юрий.

"Кажется, Виктор Каша вернулся из мертвых. Предполагаемых мертвых, скорее. Зилвицкий тоже. Меня просили передать вам недовольство правительства тем, что оно не было информировано о выживании Каша. Учитывая, что мы формально союзники, они считают, что их следовало бы уведомить. Если не сразу, то определенно менее чем через два месяца."

"Они использовали для передачи мне сообщения эревонокское судно," - сказала Шарон. "Вы серьезно собираетесь заявить, что не получили новости одновременно со мной?"

"Я согласен с вами, что мы узнали о факте их выживания одновременно с вами. Недовольство правительства проистекает из вашего неисполнения официального уведомления и непредоставления ему дальнейших подробностей."

Юрий решил позволить Шарон продолжать заниматься этим делом, хотя обычно это была его работа в качестве посла. (Хорошо. Чрезвычайно-нового посланника и т.д и т.п, но на практике это одно и то же.) Но он только что прибыл и не был полностью проинформирован. Точнее, вообще не проинформирован. Ну, оставив в стороне плотские материи, которые не были, черт возьми, делом.

Шарон, очевидно, была согласна, так как она говорила без колебаний или взглядов в его сторону. "Давайте переведем это заявление с дипломатического языка, хорошо? Триумвират, который устраивает представление - давайте пропустим все эти глупости о "правительстве" - злится, но, поскольку они, вероятно, не так уж и злятся - пока, во всяком случае - они отправили вас в качестве их представителя, так как вы официально не имеете какого-то политического положения или власти - давайте не падать от смеха - и поэтому они рассчитывают, что, если это придет от вас, оно будет меньше значить."

Шарон пожала плечами. "Это был приказ Виктора не разглашать ничего, а он мой босс."

Имбези поджал губы. "Я пришел к выводу, что Каша думал, что получение нескольких недель тайны было достаточно важным, чтобы рисковать раздражением союзника. Хорошо. Несколько недель прошло - так мы можем перейти к критическому вопросу, что именно он и Зилвицкий обнаружили, что оправдывает эти крайние меры?"

Он снова махнул рукой в жесте, хотя и пренебрежительном, но и не совсем малозначительном. "И, пожалуйста, избавьте меня от обычной болтовни о "нуждах безопасности", Шарон. Я знаком с Виктором Каша более двух лет. Возможно, это необычно для кого-то с его профессией, но он не одержим секретностью."

"Вообще-то нет. Вы правы. Но в этом случае" - Шарон развела руки в жесте, который одновременно сообщал "я говорю торжественную правду" и "это не в моей власти" - "он и мне ничего не сказал."

Имбези молчал несколько секунд. Затем поджал губы. "Вы не врете, не так ли?"

Он посмотрел на Юрия. "Я знаю, что случилось на Ла Мартине, Верховный комиссар Радамахер. Мы собрали обширный файл об этом деле - о всем, связанным с историей Виктора Каша, как только выяснилось, насколько существенно его присутствие будет для нас. Один из выводов, которые я сделал из этого, состоял в том, что у Каша есть почти сверхъестественное чувство выбора своих подчиненных. Вас двоих - и других - и затем он дает им много свободы и

не опекает по мелочам. Некоторые люди могут даже обвинить его в беспечности в этом отношении. Но я не знаю ни одного случая, когда его суждение оказалось ошибочным."

Юрию пришлось приложить усилия, чтобы сохранить ничего не выражающее лицо. Ему действительно не нравился Виктор Каша. Но не хуже многих других он знал, на что способен этот человек. Даже дьявольски способен. И Юрий не сомневался, чей это был дьявол: Хевена, так же очевидно, как и любой закон термодинамики.

Поэтому он был так же удивлен, как Имбези, услышав, что Каша не сказал Шарон, что он узнал, и куда он собирался с этим. Они не говорили об этом просто потому, что ... Ну, возникли более насущные вопросы. Но он предположил, что это будет частью брифинга, который Шарон даст ему потом.

Оценка эревонокского политика была совершенно правильной. Каша был в высшей степени уверен в своей способности выбирать своих помощников, а затем он не менял своего мнения.

Он даже не сказал Шарон?

Имбези сказал это ему. "Значит, весь ад вот-вот прорвется." Он кивнул, больше себе, чем кому-то другому. "Я сообщу триумvirату. Шарон, верховный комиссар Радамахер..."

"Зовите меня Юрий, пожалуйста."

"Один момент, Уолтер." Шарон немного наклонилась вперед. "Пока мы занимаемся темой секретности и прорыва ада, когда мы можем ожидать от вас информации относительно новых отношений, которые вы заводите в секторе Майя? Поздравляю, кстати. Вы вышли в галактику. Обычно вы отмывали деньги, а теперь вы отмываете супердредноуты."

Она сладко улыbnулась. "Раз уж мы союзники, как вы только что указали."

На лице Имбези не было никакой реакции в ответ на эти комментарии. Очевидно, было что-то еще, о чем Юрий должен узнать.

Спустя мгновение Имбези сказал только: "Я вернусь к вам для этого. Хорошего дня."

Экран потемнел.

"Я не могу вспомнить, когда я чувствовал такое полное невежество с двенадцати лет," - пожаловался Юрий. "Когда меня вызвали в классе, чтобы перечислить благородные газы, и я понятия не имел, о чем говорит учитель. С каких это пор химические элементы завели аристократию?"

<http://tl.rulate.ru/book/18880/387365>